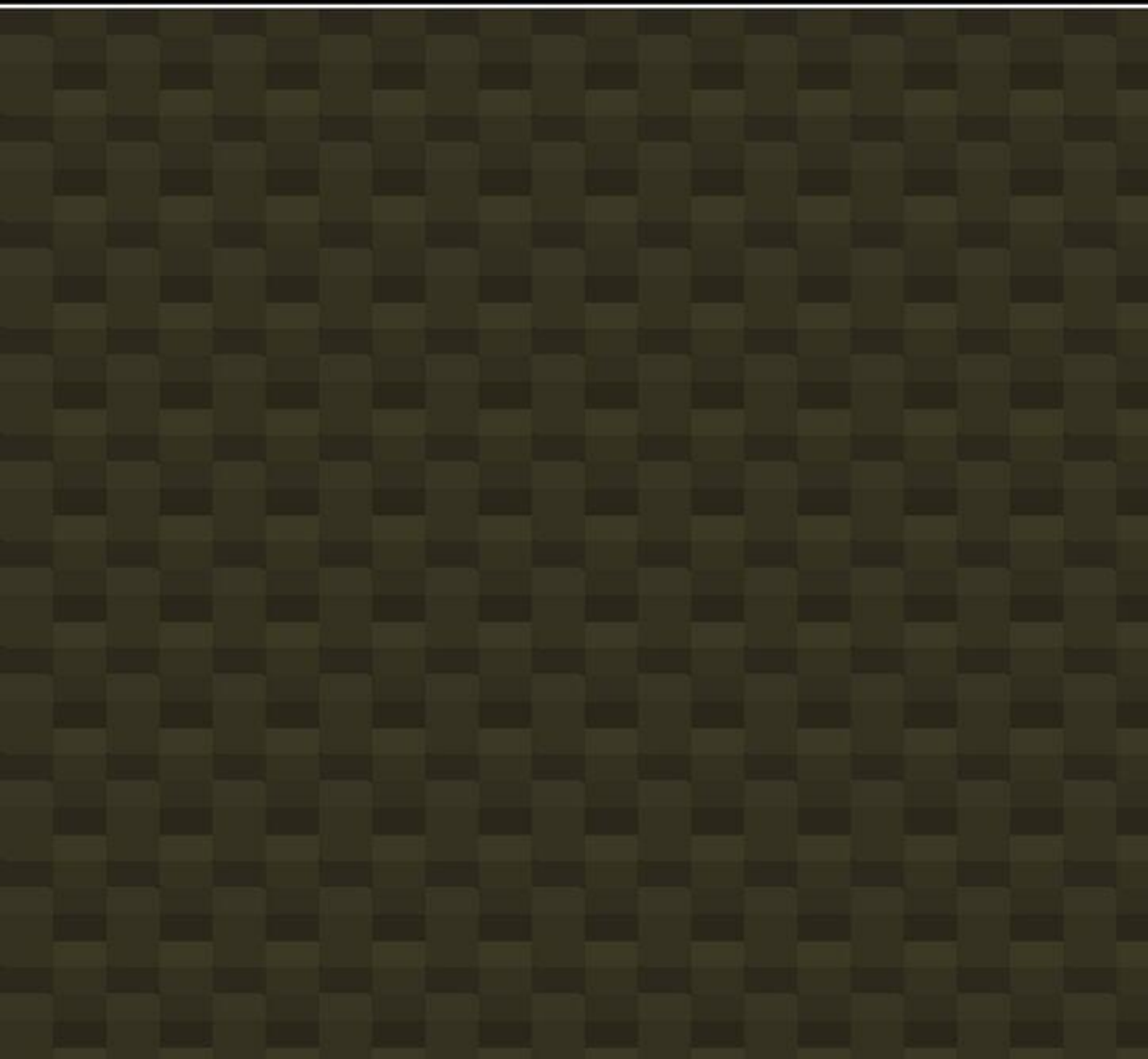

18+

Харт Анархия

Изгнанник

Харт Анархия

Изгнанник

«Издательские решения»

Анархия Х.

Изгнанник / Х. Анархия — «Издательские решения»,

Фокс — беловолосый юноша с разноцветными глазами и шрамом на скуле. Вся его жизнь — попытка быть незаметным. Но однажды он находит в древнем Соборе книгу «Сокрытое от толпы», и всё рушится: лорд Альберт вырывает язык его отцу, а самого Фокса изгоняют за стены города. В лесу, полном волков и инквизиторов, он встречается загадочное проклятое существо, которое учит его выживать. А ещё — символы, пробуждающие древнюю магию. Теперь у Фокса есть оружие, метка на руке и единственная цель — месть.

© Анархия Х.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Соль, свечи и взгляд горгульи	6
Глава 2	10
Глава 3. Сокрытое от толпы	12
— Прости...	18
Тишина	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Изгнанник

Харт Анархия

© Харт Анархия, 2026

ISBN 978-5-0070-5497-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Соль, свечи и взгляд горгульи

Фокс ненавидел запах селёдки. Он вьелся в доски прилавка, пропитал мешковину, прятался в складках его белой рубахи — той самой, единственной, которую он стирал каждые три дня, чтобы она не начала сереть. Белый цвет привлекал внимание, а Фокс не хотел внимания. Но отец сказал: «Носи что есть», и Фокс носил.

— Фокс! — отец выглянул из задней комнаты, вытирая руки о передник. — Ты пересчитал бочонки с уксусом?

Рендольф сегодня был в хорошем настроении: короткие бурые волосы торчали ёжиком, голубые глаза поблёскивали. Он двигался легко — в молодости сам таскал мешки и занимался, так что для своих лет он хорошо сохранился и имел форму

— Три по цене двух, — ответил Фокс, не поднимая головы. Он перебирал связки сушёных грибов, стараясь, чтобы чёлка не падала на лицо. Рваная стрижка плохо слушалась: пряди лезли в глаза то с одной стороны, то с другой. — У Фишера палёный товар. Я сказал — четвертак скинет.

— Молодец, — Рендольф хлопнул его по плечу. — Хотя мог и треть выторговать. Но ты у меня хитрый, как лис. — Он подмигнул. — Ладно, после работы сходи в часовню. Знаю, терпеть не можешь, когда на тебя пялятся, но боги любят тех, кто приходит вовремя.

Фокс промолчал. Он и так знал, что на него пялятся. Всегда. На рынке, в лавке, на улице — везде. Белые волосы, похожие на старую кость, и глаза... левый — серый, как туман над каналами, правый — голубой с зелёными проблесками, будто в ледяную воду упала капля ржавчины. В детстве мальчишки дразнили «совой» и «выродком». Теперь просто отводили взгляд. Фокс и сам отводил.

К шраму на левой скуле он привык. Длинная тонкая полоска — память о семилетнем возрасте, когда он полез за котом на крышу склада, сорвался и рассек щеку об острый край водосточного желоба. Рендольф тогда не ругался, только зашил ниткой и сказал: «Теперь ты похож на бывшего солдата. Никто не свяжется».

Фокс сунул руки в карманы широких штанов — их нашили так много, что можно было носить поллавки. Ничего полезного там не лежало: пара медяков, сухой сухарь, подобранная на дороге медная пряжка. На поясе висел пустой мешочек и нож — маленький, для резки веревок. Ботинки чёрные, стоптанные, но удобные.

— Клиент, — сказал Рендольф, кивнув на дверь.

Вошёл каменщик. Пожилой, руки в белых шрамах от зубила, фартук в извешке. Оглядел лавку, остановил взгляд на Фоксе. Задержался на белых волосах, скользнул по глазам, наткнулся на шрам — и тут же ушёл в товар.

— Масло льняное есть? — спросил каменщик глухо. — Для лесов, чтобы колёса не скрипели.

— Есть, — Рендольф повернулся к сыну. — Фокс, достань.

Фокс нырнул в глубину лавки, лавируя между стеллажами. «Всё для всего» не обманывало: здесь были гвозди и свечи, мотки верёвки и детские игрушки, молитвенные ленты и рыболовные крючки. Запах кожи, воска, дешёвых пряностей. Фокс нашёл бутыль, вытер с неё пыль рукавом белой рубахи — пятно, чёрт, теперь опять заметят.

Каменщик заплатил, кивнул:

— Пусть парень отнесёт. На верхние леса Собора. Дадите ему монету — там тяжёлое.

Фокс взглянул на отца. Рендольф пожал плечами — мол, иди, не маленький.

— Только сначала помолись, — напомнил отец, когда Фокс уже взял бутыль. — В часовне Святой Ткачихи. Я засеку время.

— Помолюсь, — буркнул Фокс и вышел.

На улице он привычно втянул голову в плечи и ускорил шаг. Не смотреть ни на кого. Не попадаться на глаза. Белые волосы и разноцветные глаза — и так слишком много. Но сегодня ему повезло: рынок только просыпался, зевак почти не было.

Часовня Святой Ткачихи ютилась между домом ростовщика и мясной лавкой. Внутри пахло воском и старой древесиной. Фокс опустился на колени перед алтарём, сунул бутыль с маслом в угол — чтобы не мешала, — и пробормотал привычные слова.

Он не знал, слышат ли его боги. И хотят ли слышать парня с белыми волосами и шрамом на лице. Но отец велел — значит, надо.

Когда Фокс поднялся, ему показалось, что статуя Святой в углу шевельнулась. Просто тень упала.

Он вышел на солнце, щуря разноцветные глаза.

Собор возвышался впереди — серый, древний, утыканный горгульями. Каменные твари смотрели на рынок пустыми глазницами. Или не пустыми?

Фокс поправил нож на поясе, вздохнул и пошёл к лесам.

Путь к Собору был таким же серым и скучным, как и всегда. Фокс шагал по мостовой, стараясь держаться ближе к стенам домов, чтобы никому не мешать и чтобы никто не мешал ему. Мимо проехала телега с капустой — кочан упал и покатился под ноги. Фокс пнул его обратно торговцу, не поднимая глаз. Тот буркнул «спасибо» и даже не посмотрел.

Рынок постепенно оживал. Открывались ставни, женщины тащили корзины к колодцу, мальчишки гоняли тряпичный мяч. Фокс обогнул ямку с гнилой репой, перешагнул через спящего пьяницу в канаве, пропустил вперёд старуху с вязанкой хвороста. Всё как всегда. Даже воробьи на карнизах чирикали одну и ту же песню.

Он почти дошёл до площади перед Собором, когда заметил в боковом переулке какое-то шевеление. Фокс не любил совать нос в чужие дела, но ноги сами притормозили.

В тупике за грудой битых ящиков возился мальчишка лет пяти. Грязный, ревёт в голос, пытается оторвать подол рубахи, застрявший между досками. Фокс замер на секунду. В голове пронеслось: «Не твоё дело. Опоздаешь. Отец велел молиться, а ты ещё и не начинал».

Мальчишка заревел громче.

— Тихо ты, — выдохнул Фокс, свернул в переулок и поставил бутыль с маслом на сухое место. В два счёта высвободил рубаху — ткань треснула, но не порвалась. — Всё, живой. Беги.

Мальчишка шмыгнул носом, вытер слёзы грязным кулаком и выпалил:

— А ты страшный. Волосы как у мертвеца.

Фокс не ответил. Просто отвернулся, подхватил бутыль и пошёл дальше, сжимая зубы. Вот зачем он полез? Теперь ещё и это.

Он ускорил шаг, почти побежал, но время уже ушло. Когда Фокс добрался до подножия лесов, приставленных к северному трансепту Собора, каменщик — тот самый, что был в лавке — уже стоял, подбоченившись, и сверлил его взглядом.

— Я тебя полчаса назад отправил, — сказал каменщик негромко, но так, что у Фокса похолодело под ложечкой. — Сказано было — быстро. Колёса на лесах встали, я без масла как без рук.

— Простите, — буркнул Фокс, протягивая бутыль. — Мальчишка застрял... я помог.

— Мальчишка? — каменщик скривился. — Тут работа стоит, понял? Каждая минута — серебро. Лорды не любят, когда Собор долго строят. — Он выхватил бутыль и кивнул вверх. — Тащи на верхнюю площадку. И быстрее, ради всех святых.

Фокс полез по скрипучим лестницам, чувствуя, как горят щёки. Даже разноцветные глаза сейчас не прятали смущение — хорошо, что никто не смотрит с земли. На верхней площадке его уже ждал молодой подмастерье с рыжими бакенбардами.

— Явился, красавчик, — усмехнулся тот, разглядывая белые волосы Фокса. — Давай сюда. И проваливай, пока мастер не вылил масло тебе за шиворот.

Фокс отдал бутыль и уже повернулся, чтобы спуститься, как вдруг почувствовал пристальный взгляд сверху. Подняв голову, он увидел, как горгулья будто бы смотрела на него. Никто из рабочих не обращал на неё внимания. А Фокс смотрел и не мог отвести глаз.

— Ты чего застыл? — рыжий толкнул его в плечо. — Отчаливай, некогда.

Фокс молча кивнул и начал спускаться. Но взгляд остался перед глазами, что очень странно — ему, точнее всем горожанам, говорили, что кроме Бога никого не существует, а

мистика это сказки. Но почему тогда этот взгляд ощущался? Непонятно. Может, они ввали нам? Такие вопросы крутились в голове у Фокса.

Глава 2

Спустившись по лестнице до конца, он увидел, что город уже полностью ожил. Дети веселились, взрослые ходили по делам — на работу, на рынок. Солнце светило ярко, а время было полдень. Тут внезапно он услышал со стороны смех детей и то, как они высмеивали его внешность. Группа из трёх парней.

Первый, рыжий и веснушчатый, с наглой ухмылкой — он всегда шёл впереди, будто командовал. Второй, коренастый с бычьей шеей, тупо скалился, потирая кулак о ладонь. Третий — тощий, с длинным носом и бегающими глазами — хихикал из-за спин первых двух, но сам не лез.

Фокс замер. Тело само сжалось — плечи втянулись, руки прижались к бокам, взгляд упёрся в землю. Он хотел пройти мимо, но ноги не слушались.

— Смотрите, белая крыса выползла, — рыжий шагнул вперёд. — Глаза-то, глаза! Один в болото смотрит, другой — в помойку.

Коренастый заржал. Тощий за его спиной закивал, часто-часто, и добавил:
— Ага-ага, как у той кошки из подвала. Урод, да?

Третий не смеялся в голос — он просто поддакивал, кивая каждому слову рыжего и повторяя последние слоги, как эхо.

Рыжий подошёл вплотную. Фокс почувствовал запах кислого пива и дешёвого табака. А потом рука вцепилась ему в белые волосы — рывком вверх, заставляя задрать голову.

Фокс скривился. Он зажмурил левый глаз, правый забегал, губы искривились в болезненную усмешку — одна сторона лица поехала вверх, другая вниз, нос сморщился, будто от кислоты. Из горла вырвался сдавленный всхлип.

— А чего молчишь, альбинос? — рыжий дёрнул ещё раз.

И тут что-то щёлкнуло у Фокса внутри. Страх захлестнула злость. Он разжал кулак и со всей силы влепил главарю прямо в переносицу.

Рыжий охнул, выпустил волосы и отшатнулся, зажимая лицо. По пальцам потекла кровь.

— Ты! — взревел он. — Держи его!

Фокс не ждал больше ни секунды. Он развернулся и рванул в узкий проулок между мясными рядами.

Сзади затопали сапоги. «Стой, крыса!» — орал коренастый. Тощий свистел.

Фокс нёсся, не разбирая дороги, но ноги сами знали каждый камень. Он проскочил под аркой с ржавой вывеской «Гробовщик и сын» — скользкие ступени вниз, запах сырой земли и старого дерева. Вылетел на улицу Свечных мастеров, здесь воняло воском и гарью. Перепрыг-

нул через тележку с опрокинутыми подсвечниками — слева крикнула женщина, но Фокс не смотрел.

Надо петлять. Чтобы они не узнали, где лавка.

Он нырнул в подворотню, где с потолка свешивались тряпки для сушки — влажное полотно хлестнуло по лицу. Потом через чей-то огород, пригибаясь под бельевой верёвкой, спугнул куриц. Выскочил к фонтану с разбитой статуей — здесь всегда были торговцы углём, и воздух висел чёрной пылью.

Крики сзади стали тише.

Фокс свернул в Доштатый тупик — самый узкий проход в квартале, где взрослый мужчина протискивался боком. Стены скребли по плечам, с карниза капало. Зато те трое туда не полезут — широкий коренастый застрянет.

И он оказался прав.

Вывалившись на другую сторону, Фокс добежал до знакомой улицы Косых торговцев. Здесь его лавка была через три дома. Он перешёл на шаг, согнулся, упёршись руками в колени, и задышал, хватая ртом воздух.

Сердце колотилось где-то в горле. Белые волосы слиплись от пота. Шрам на скуле горел.

Из переулка донёсся отдалённый мат, а потом стих.

Фокс выпрямился, поправил рубаху (теперь уже точно не белую, а серо-бурую от пыли и тряпок), сунул дрожащие руки в карманы и пошёл ко входу в «Всё для всего».

— —

Фокс осмотрел себя бегаящими глазами. Весь в грязи и пыли. Он попытался стряхнуть — бесполезно.

— Твою же... Отец будет ругаться, — промолвил тот вполтона.

В ту же секунду из лавки выглянул Рендольф. Увидел сына — и вместо того чтобы ругать, хихикнул. Коротко, по-доброму.

— Эх ты, неряха. — Отец прошёлся взглядом по грязной рубахе, слипшимся белым волосам, поцарапанным ботинкам. — Аккуратнее надо. Теперь опять вещи стирать, а то грязь вьётся.

Фокс молча двинулся в комнату — достать таз и золу. Но Рендольф остановил его мягким, но тревожным голосом:

— Опять задирали? — Он стоял неподвижно, сложив руки на груди. — Ты хоть дал отпор?

Фокс замер на миг. Хотел сказать что-то резкое, но только сильнее сжал губы и ушёл. Рендольф вздохнул, но окликать не стал.

Глава 3. Сокрытое от толпы

В задней комнате пахло сушёной мятой и старыми половицами. Фокс снял рубаху, бросил её в деревянное корыто, налил тёплой воды из котла, насыпал золы. Закатал широкие штаны выше колен и принялся тереть, погружая пальцы в мутную воду.

Белая ткань под грязью казалась чужой. Как и он сам.

Фокс посмотрел на своё отражение в тёмном пятне воды — не разобрать лица, только белое пятно волос. Он поднял голову и уставился в щербатое зеркальце на стене, которое отец повесил ещё при матери.

Он не злился на свою внешность. Просто она была — как дождь в ноябре: ни хороший, ни плохой, просто всегда с тобой. Иногда хотелось, чтобы его не замечали. Слиться с серой толпой. Быть как все. Но белые волосы выдавали с головой, а глаза заставляли людей отводить взгляд или, наоборот, пялиться.

Ладно, — подумал Фокс. — Могло быть хуже. Я хотя бы не жирный и не слепой.

Он выжал рубаху, прополоскал в чистой воде, повесил на верёвку, протянутую от печи к окну. Капли застучали по полу. Рядом уже висели штаны, носки — ничего лишнего. Фокс сунул ноги в старые, дырявые штаны, натянул другой жилет, без рукавов, и пошёл обратно в лавку.

Рендольф перебирал гвозди, не глядя на сына, но уголки его губ чуть дрогнули.

— Садись обедать, — сказал он. — И в следующий раз бей первым.

Фокс неспешно подошёл к столу, бросил взгляд на отца, который всё так же копался в гвоздях. Достал из ящика полбуханки чёрствого хлеба, отрезал два толстых ломтя. Поставил сковороду на железную плиту, бросил туда кусок сала — зашкварчало, запахло жареным и дымком. Разбил три яйца, перемешал деревянной лопаткой, посолил горстью крупной серой соли. Потом порезал хлеб на куски и побросал их прямо в сковороду, чтобы пропитались жиром.

Через пять минут он поставил на стол две миски с румяной тюрей, положил ложки. Рендольф сел напротив, не говоря ни слова.

Они ели в тяжёлом молчании. Слышно было только постукивание ложек о глину и редкое дыхание отца. Фокс жевал, глядя в стол. Рендольф — в окно, за которым медленно угасал день. Никто не начинал разговор. Тот шумный обеденный час, когда отец шутил и хлопал по плечу, растаял, как прошлогодний снег.

Когда Фокс доел, он выскреб миску коркой, вытер рот рукавом и сказал:

— Я в лес. Подышу.

Рендольф кивнул, не поднимая глаз.

Фокс вышел через заднюю дверь, свернул не на знакомую дорогу, а в обход — через старую бойню, мимо огородов, где лаяли злые дворняги. Путь был неприятным: под ногами хлюпала жижа, из канав тянуло тухлятиной, а с заборов свисали колючие ветки, цеплявшиеся за рукава. Но Фокс прямо шёл, обходя широкие улицы, где могла шататься та троица.

Лес начинался сразу за последними домами — жидкий, берёзовый, с редкими соснами. Здесь пахло прелыми листьями и сыростью. Фокс нашёл своё любимое место — поваленный ствол у ручья. Он сел, достал из кармана маленький перочинный ножик и принялся вырезать из мягкой ветки фигурку. Просто чтобы занять руки. Он вырезал уже десятки таких: лошадки, птицы, кривые человечки. Никому не показывал. Просто резал, пока мысли не успокаивались.

Солнце медленно ползло к закату. Небо стало золотисто-розовым, потом лиловым, потом тёмно-синим. Фокс дорезал сегодняшнюю фигурку — похоже на горгулью, только добрее, — и сунул её в карман, к медякам и сухарю.

Пора на вечернюю молитву.

Он вернулся к Собору, когда уже зажгли факелы на площади. Фокс не пошёл внутрь через главный вход — там всегда толпились верующие. Вместо этого он обогнул здание с северной стороны, где строительные леса примыкали прямо к стене. Тихо, стараясь не скрипеть, поднялся по шатким ступенькам, перелез через ограждение и оказался на узкой галерее под самой крышей.

Здесь пахло пылью, паутиной и старым камнем. Глаза привыкли к темноте. Фокс шёл вдоль стены, пока не наткнулся на нишу с маленькой книгой в кожаном переплёте — «Сокрытое от толпы». Он открыл её дрожащими пальцами, забыв, зачем полез наверх.

Книга говорила о древних временах, когда магия текла по жилам города, когда горгульи пели по ночам, а Собор был не домом Бога, а тюрьмой для Него. «Они замуровали Живого Огня в сердце камня, — прочитал Фокс, разбирая строчки при свете ущербного месяца, — и нарекли его Святым Духом. Но огонь не мёртв. Он ждёт. Он смотрит глазами каменных тварей. А того, кто откроет трещину, ждёт...»

Фокс сглотнул. Волосы на затылке зашевелились. Он перевернул страницу, но дальше шли какие-то схемы, чертежи собора с пометками на латыни, которых он не понимал.

Внизу, на лестнице, раздались шаги. Тяжёлые сапоги по деревянным ступеням. Два голоса — один усталый, скрипучий, другой — молодой, вкрадчивый, с приторной вежливостью.

— ...говорю вам, настоятель, трещина расширилась за последнюю неделю на палец, — говорил второй. — Мой астролог ночью видел свечение. Оно идёт изнутри. Это не есть хорошо.

— Лорд Альберт, — ответил первый, сухой, как треснувший колокол. — Я каждый день молюсь у этой стены. Господь не допустит. Камень держит.

— Ваш Господь, настоятель, — в голосе лорда проскользнула усмешка, — возможно, и держит. А кто будет держать вас, если камень треснет по-настоящему?

Фокс вжался в нишу. Сквозь щель между двумя досками он видел их, поднимающихся на верхнюю площадку.

Настоятель оказался маленьким, согбенным стариком в засаленной рясе. Его лицо скрывал капюшон.

Лорд Альберт шёл впереди, чуть покачивая бёдрами — он явно чувствовал себя хозяином этого места. Высокий, стройный, с длинными распущенными белыми волосами, которые падали на плечи жидкими, но ухоженными прядями. Одет он был в чёрный бархатный камзол с серебряной вышивкой — хищные цветы и змеи, переплетённые в узор. Поверх накинут плащ из тёмно-зелёного сукна, подбитый лисьим мехом. Сапоги из мягкой кожи, без единой царапины. На поясе — кинжал в ножнах с рубином на навершии.

Лицо лорда было бледным, с острыми скулами и тонкими губами. Брови — тёмные, достаточно выразительные, но уже не густые, а чуть тоньше, аккуратно очерченные, словно выщипанные. Они изгибались дугой, придавая взгляду высокомерную усталость. Из-за них его лицо казалось ещё более хищным. Он улыбался — холодно и скупое, как человек, который привык давать приказы и не терпит возражений.

Фокс понял, что они идут на эту же площадку. Сердце забилося где-то в горле. Он сунул книгу за пазуху, нащупал нож, но замер — если побежит сейчас, загремят доски.

— ...я поставлю своих людей у трещины, — продолжал лорд, останавливаясь в двух шагах от укрытия Фокса. — Если ваши молитвы не помогут, мои инквизиторы знают, что делать с камнем. — Он поправил рукав. — А заодно проверят, нет ли здесь чужих. Чует моё сердце, крысы по Собору шастают.

Настоятель вздохнул:

— Лорд, крысы всегда шастали. Но они не опасны.

— Опасны те, кто читает не те книги, — отрезал Альберт. — Кстати, о книгах. Где та, старая, «Сокрытое от толпы»?

Настоятель замялся:

— Она в ризнице... под замком...

— Плохо ищите, — лорд сделал шаг в сторону ниши. — Я чувствую, она где-то рядом.

Фокс понял: у него есть секунда. Он рванул в противоположную сторону — прыжком перелетел через перила лесов, приземлился на мешки с известью (облако белой пыли взметнулось в воздух) и покатился по полу.

— Крыса! — рявкнул лорд. — Хватайте! Инквизиторы!

Снизу уже бежали люди — трое, а может, четверо, в чёрных плащах с красными нашивками. Фокс нёсся по винтовой лестнице вниз, перепрыгивая через ступени, сшибая с полок какие-то склянки. Сзади орали:

— Стой, падаль! Всё равно догоним!

На втором пролёте кто-то схватил его за шиворот. Фокс дёрнулся — рубаша треснула по шву, он выскользнул, потерял равновесие и кубарем скатился по последним ступеням, ударившись плечом о каменную стену. Книга вылетела из-за пазухи и шлёпнулась на пол.

Инквизитор тут же наступил на неё ногой. Второй подхватил Фокса под мышки и рывком поставил на ноги. Третий заломил руки за спину.

— Попался, щенок, — прохрипел первый, наклоняясь. Он поднял книгу, стряхнул пыль. — Гляди-ка, лорд, а ведь ваша.

Лорд Альберт не спеша спустился, ступая так мягко, что сапоги не скрипели. Он взял книгу, пролистал несколько страниц, потом перевёл взгляд на Фокса. Тёмные брови чуть поднялись — с выражением безразличного любопытства.

— Беловолосый, — протянул он тихо. — Глаза разные. Шрам. Так вот ты какой, Фокс, сын торговца Рендольфа. Я уже слышал о тебе. Странный мальчик, говорят. — Он захлопнул книгу. — Теперь ещё и вор. И шпион.

— Я не шпион, — выдавил Фокс, чувствуя, как больно впинаятся пальцы инквизитора в его запястья. — Я просто... полез посмотреть...

— Зачем? — лорд сунул книгу под мышку и подошёл ближе, почти вплотную. От него пахло ладаном и чем-то сладковатым, как от засушенных роз. — Зачем тебе эти сказки о магии? Решил стать колдуном?

— Нет. — Фокс отвернулся. Он не хотел смотреть в эти глаза под хищными дугами бровей.

— Врёшь, — лорд усмехнулся. — Но ладно. Знаешь что, мальчик? Я не люблю шума. Ты украл мою книгу — я её забрал. Ты лазил по Собору — я тебя поймал. Вопрос закрыт. — Он повернулся к инквизиторам. — Отпустите его, пускай домой идет. Пусть старый торговец знает, какой у него сынок-воришка. А заодно передайте: завтра парень убирается из города. Навсегда. Если останется — ослеплю обоих.

Один из инквизиторов кашлянул:

— Лорд, а книга? Сжечь?

— Нет. — Альберт погладил переплёт. — Она пригодится. Там есть... кое-что, что я сам не до конца понял. — Он бросил короткий взгляд на Фокса. — Ты много прочитал, парень?

— Ничего, — быстро сказал Фокс, чувствуя, как дрожит голос.

— Врёшь. Но ладно, — лорд махнул рукой. — убирайся

Фокс влетел в лавку «Всё для всего», едва не сбив с ног отца. Рендольф стоял у прилавка, перебирая свечи. Увидев сына — грязного, с разодранной рубашкой и безумными глазами, — он выронил свечу.

— Фокс? Что стряслось? Тебя били? Опять эти мальчишки?

— Нет, пап, — выдохнул Фокс, хватая ртом воздух. — Хуже. Я был в Соборе. Наверху. Я видел... я читал...

Он замолчал, оглядываясь на дверь. Инквизиторы могли быть рядом.

— Что читал? — Рендольф подошёл ближе, взял сына за плечи. — Говори толком.

— Книгу, — Фокс понизил голос до шёпота. — «Сокрытое от толпы». Там написано, что магия существует. Её замуровали в Соборе много лет назад. Трещины — это она дышит. Горгульи — они живые, папа. Я сам видел, как одна смотрела на меня. Не каменными глазами, а живыми!

Рендольф побледнел. Он отпустил плечи сына и сделал шаг назад.

— Ты... ты несёшь ересь, — прошептал он. — Это запрещено. За это сжигают.

— Но это правда! — Фокс схватил отца за рукав. — Я не сумасшедший. Лорд Альберт тоже знает. Он хотел забрать книгу, говорил про трещину...

— Лорд Альберт? — Рендольф осел на табурет. — Сынок, что ты наделал...

Дверь распахнулась с треском.

На пороге стоял лорд Альберт — длинные белые волосы распущены, плащ откинут назад, чёрный камзол блестит при свете масляной лампы. За его спиной — трое инквизиторов в чёрных плащах с красными нашивками.

— Я так и знал, — тихо сказал лорд, переступая порог. Его сапоги закрипели по доскам. — Ты уже рассказал папочке. — Он обвёл взглядом лавку. — Мило. «Всё для всего». Теперь здесь будет всё для ада.

Рендольф вскочил, заслоняя собой сына.

— Лорд, он глупый мальчишка. Он не понимал, что делает. Пощадите!

— Пощадить? — Альберт усмехнулся. Густые, но аккуратные брови изогнулись дугой. — Твой сын украл мою книгу. Читал запретные тексты. И теперь болтает о магии, о живых горгульях. — Он сделал шаг вперёд. — Это ересь. А за ересь, Рендольф, знаешь что бывает?

— Я заплачу, — зачастил отец. — У меня есть монеты, товар. Забирайте всё, только оставьте его.

— Мне не нужны твои гроши, — лорд щёлкнул пальцами. Один из инквизиторов вышел вперёд. — Мне нужна тишина. Чтобы этот мальчишка замолчал навсегда. И чтобы ты не учил его болтать лишнее.

Он повернулся к Фоксу.

— Ты много читал, парень? Магия, говоришь? Священный Огонь? — Лорд покачал головой. — Значит, ты опасен. А опасных людей мы убираем. Но я милостив. Я не убью тебя. Ты просто исчезнешь за стенами. А твой отец... — он сделал паузу, — твой отец запомнит этот урок на всю жизнь. Без языка.

Фокс похолодел.

— Что? Нет!

Двое инквизиторов схватили Рендольфа, повалили на колени. Третий достал щипцы — тускло блеснула зазубренная сталь.

— Не трогайте его! — Фокс рванулся, но лорд перехватил его за шкуру, прижал к стене.

— Смотри, — прошептал Альберт, дыша в ухо. — Смотри и запоминай. Это ты виноват. Не лезь в Собор — не пришлось бы отцу расплачиваться.

— Папа! — закричал Фокс, вырываясь.

Рендольф поднял голову. Глаза его были мокрыми, но он не плакал. Он посмотрел на сына и одними губами прошептал: «Беги».

Инквизитор разжал ему челюсть.

Фокс зажмурился, но лорд силой открыл ему веки:

— Смотри, я сказал.

Раздался хруст, влажный чавкающий звук и крик — нечеловеческий, дикий крик, который перешёл в булькающий хрип. Фокс заорал вместе с отцом, но его держали крепко. Сквозь пелену слёз он видел, как инквизитор бросил на пол окровавленный кусок плоти, как отец рухнул лицом вниз, захлёбываясь кровью.

— Уберите его, — бросил лорд, отталкивая Фокса к двери. — А этого вышвырните за стены. Пусть идёт в лес и молится своим горгульям.

Фокс вырвался, бросился к отцу, но двое инквизиторов подхватили его под руки и потащили прочь. Он бился, кусался, царапался, но они не отпускали.

— Папа! Папа, прости! — кричал он, пока его волокли по улице.

Рендольф лежал на полу в луже крови. Он не двигался.

— Прости...

Ворота города открылись. Холодный ветер ударил в лицо. Фокса швырнули наземь, за ворота, на мокрую траву. За его спиной лязгнул засов.

Он поднялся на четвереньки, поднял голову. Стены города возвышались чёрной громадой. На них не было видно ни души.

— Вернись! — закричал Фокс в темноту. — Отдайте мне отца!

Тишина

Он уткнулся лицом в землю и завыл — как зверь, как брошенный щенок. Слезы смешались с грязью. Ветер трепал белые волосы.

Неизвестно, сколько он так лежал. Час. Два. Когда небо начало сереть, Фокс поднялся. В кармане — нож и пустой мешочек. Хлеб, который дал отец, остался в лавке.

Он посмотрел на свои руки. Они были в крови — не его. Кровь отца.

Лорд Альберт вышел из лавки «Всё для всего», тщательно вытирая пальцы о носовой платок — на них не было крови, но ему казалось иначе. За ним следом, сбившись в кучу, шли трое инквизиторов. Последний нёс факел, и красный свет плясал на мокрой мостовой.

— Вы двое, — лорд кивнул, не оборачиваясь, — проследите, чтобы старик не истёк кровью до утра. Он мне нужен живым. Как немой свидетель.

— А парень? — спросил один из инквизиторов, тот, что со щипцами.

— Парень? — Альберт усмехнулся. — Парень сдохнет в лесу к завтрашнему вечеру. Осенью, без еды, без оружия. Даже если выживет — что он сможет? Он никто.

Он погладил книгу, зажатую под мышкой — «Сокрытое от толпы». Кожа переплёта была тёплой, почти живой.

— А теперь идите. Я пройду до Собора. Один.

Инквизиторы поклонились и растворились в темноте переулков.

Путь до Собора был долгим. Лорд Альберт не спешил. Он шёл через рыночную площадь, пустую в этот час, мимо запертых лавок, мимо спящих нищих, свернувшихся калачиком у стен. Где-то в канаве брехала собака, но смолкла, почуяв его шаги.

Он поглаживал книгу, перебирая пальцами тиснёные завитки на обложке.

— Магия, — прошептал он, и в его голосе прозвучало не презрение, а... любопытство. — Спит в камне. Смотрит глазами горгулий. Интересно, сколько из того, что там написано, правда?

Он остановился у фонтана с разбитой статуей, посмотрел на своё отражение в тёмной воде — распущенные белые волосы, тёмные брови, холодные глаза.

— Лорд, — раздался голос из тени. Это был один из инквизиторов, тот, что постарше, с сединой в бороде. — Вы позволите проводить вас? В соборе беспокойно по ночам.

— Беспокойно? — Альберт поднял бровь. — Это камни беспокойны или настоятель?

— Настоятель. Он... нервничает последнее время. Говорит, что слышит голоса из стен.

— Голоса? — лорд усмехнулся. — Может, он просто стареет. А может, и правда что-то есть. — Он переложил книгу под другую руку и зашагал дальше. — Что ты знаешь о магии, старый инквизитор?

Тот пожал плечами.

— Только то, что она запрещена. Ересь. Дьявольщина. Я сжигал колдунов, лорд. Они кричали так же, как все.

— И ни один не показал настоящего чуда?

— Ни один, — инквизитор сплюнул. — Только фокусы. Дым. Пустые слова.

— А если чудо настоящее? — Альберт остановился, повернулся к собеседнику. — Если где-то в стенах спит сила, способная перевернуть мир? Что тогда, старик? Ты её сожжёшь?

Инквизитор молчал, втянув голову в плечи.

— Я думаю, — продолжил лорд, — такую силу надо не сжигать. Ею надо управлять. Как огнём в очаге. Как лошадью в упряжке. — Он погладил книгу. — А для этого нужно знать. Понимать. И не бояться.

— Вы говорите о ереси, лорд, — тихо сказал инквизитор.

— Я говорю о власти, — поправил Альберт. — А власть всегда на грани ереси. Иди. Я сам дойду.

Собор встретил его тьмой и запахом ладана. Внутри горело всего несколько свечей — у алтаря и у статуи Богородицы. Фигуры святых в нишах отбрасывали длинные, кривые тени, похожие на скелеты.

Настоятель ждал у входа, перебирая чётки так быстро, что деревянные бусины стучали, как зубы в лихорадке.

— Лорд... — начал он, низко кланяясь. — Я слышал... там был мальчик? Вы его...

— Вышвырнул, — закончил Альберт, проходя мимо настоятеля к алтарю. — А его отцу вырвал язык. За разглашение тайн.

Настоятель побледнел, и без того серое лицо стало пепельным.

— Но зачем так жестоко, лорд? Он же простой торговец...

— Он воспитал сына, который лезет куда не надо, — оборвал его Альберт. — И этот сын читал книгу. — Он поднял «Сокрытое от толпы», и свет свечей заплескал на обложке. — Вашу книгу, настоятель. Которая, по вашим словам, лежала под замком в ризнице.

Настоятель схватился за сердце.

— Я не знал... я думал, она там... её никто не трогал десятилетиями...

— А теперь её трогал грязный мальчишка с белыми волосами. — Лорд швырнул книгу на аналой. — Что в ней написано? Правда? Или старые бабкины сказки?

— Я... я никогда не читал её до конца, — прошептал настоятель. — Там говорится о... Огне. О том, что он внутри Собора. Что его можно... освободить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.